

КУРДСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ И ЕС В 1960–1990-е гг.

Н.В. Величко, И.О. Лузгина (Витебск)

Курдский вопрос в Турции имеет давнюю историю. Суть его заключается в отсутствии у курдов – крупного по численности ираноязычного этноса – каких-либо автономных, а также многих культурных прав в рамках турецкого государства. Усугубляет проблему тот факт, что курды являются наибольшей после турок этнической общностью страны, составляющей, по разным оценкам, от 12–14% до 24% от ее населения [2, с. 9].

Со времен М.К. Ататюрка курдам запрещалось использовать свой язык в СМИ, обучаться на нем в школах и университетах [1, с. 54]. Более того, до конца XX в. не признавался даже сам этноним «курд». Вместо него жителей юго-востока Турции было принято именовать «горными турками» [2, с. 9]. В турецкой Конституции говорится: «Каждый, кто связан узами гражданства с турецким государством, – турок» (ст. 66). «В общеобразовательных учебных заведениях никакой иной язык, кроме турецкого не может преподаваться турецким гражданам в качестве родного языка» (ст. 42) [8].

Такое отношение властей Турции вызывало недовольство курдов, создававших свои партии. Одни из них отстаивали права своего меньшинства на легальном поле турецкой политики, добиваясь автономии курдских регионов, либо, минимум, расширения культурных прав курдской этнической общности. Другие партии, наподобие Рабочей партии Курдистана, вели вооруженную борьбу за полное отделение курдских территорий. Деятельность обоих лагерей – умеренного и радикального – как правило, вызывала острую реакцию турецкого руководства по отношению к курдам, которые всегда воспринимались в качестве угрозы единству турецкого государства.

Вместе с тем, Турция с 1950-х гг. стала стремиться к интеграции в европейские структуры, прежде всего, в ЕЭС (ЕС), вскоре после их образования. Однако с самого начала руководство Европейского союза не спешило принимать страну в свои ряды. Одной из причин постоянных отказов была ситуация в турецком Курдистане, в котором, по мнению европейских политиков, нарушались права человека проживающего там курдского этноса [4, с. 103]. Постоянным требованием по отношению к Турции было улучшение ситуации в этой сфере. Однако Турция не стремилась идти на этот шаг, полагая его угрозой своей национальной безопасности [5, с. 72]. В то же время сами курды всячески желали вступления страны в ЕЭС (ЕС), поскольку лишь это давало им реальную гарантию прекращения периода репрессий, длившихся десятилетиями [6, с. 133].

Турция демонстрировала свое желание участвовать в любых интеграционных процессах стран Запада все послевоенное время: в 1952 г. она стала частью НАТО, затем – членом Совета Европы и Организации экономического сотрудничества и развития. Желание присоединиться к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС), предшественнику Европейского

союза (ЕС), у Турции возникло всего спустя полтора года после образования организации, то есть в 1959 г. [10, р. 29]. Турция была одним из первых государств Европы, которое выразило желание присоединиться к данному сообществу. В 1963 г. ею был подписан Договор об ассоциации (Анкарский договор), ставший рамочным документом во взаимоотношениях Турции с ЕЭС. Он предполагал две стадии интеграции: предварительную, то есть создание Таможенного союза, и завершающую – полное членство. Однако в Таможенный союз с европейскими странами Турция была принята лишь в 1996 г. [4, с. 103–104].

Такое медленное движение к интеграции было связано с требованием ЕЭС от Турции проведения ряда реформ. Так, ЕЭС не устраивало, что Турция имела полуавторитарную политическую систему с высокой ролью военных, недемократическое гражданское общество, в котором нарушаются права и свободы человека, а также имела нелиберальную юридическую систему, сохраняющую пытки и смертную казнь. Особенно ЕЭС беспокоил нерешенный территориальный спор на Кипре и нарушение прав национальных меньшинств, прежде всего курдского, как самого крупного из всех [4, с. 104].

Данная обеспокоенность со стороны европейских чиновников не была безосновательной. Так, несмотря на активизацию политической жизни Турции после государственного переворота 1960 г., отношение нового руководства к курдской проблеме оставалось дискриминационным. Яркое выражение это нашло в лозунге турецкого президента, генерала Джемала Гюрсея «Говори по-турецки» («Türkçe konuş»), что подразумевало под собой недопущение использования вне бытовой сферы курдского языка [11]. Такая политика вызвала закономерную ответную реакцию со стороны молодых курдских политических деятелей, часть которого в 1978 г. основала левую, радикальную Рабочую партию Курдистана, а другая часть занималась подпольным изданием газет и журналов на курдском языке [5, с. 73].

Развитие курдского движения вызывало обеспокоенность военных угрозой распада страны. Это стало одной из причин нового военного переворота, произошедшего в Турции 12 сентября 1980 г. Его следствием стало последующее ужесточение политики в отношении этнических меньшинств, в особенности курдского. Это послужило поводом для развязывания РПК с 1983 г. полноценных вооруженных выступлений против турецких силовых структур. Однако невозможность подавить сопротивление РПК лишь силовыми средствами, а также позиция ЕЭС, осуждавшая дискриминационную политику Турции в отношении курдов, побудили турецкое руководство к корректировке своей политики по курдскому вопросу [5, с. 73].

Долгожданный прорыв в отношениях Турции и ЕЭС произошел в годы президентства Т. Озала (1989–1993 гг.), имевшего курдские корни. Официальная заявка на полноправное членство Турции в ЕЭС была подана в 1987 г. Вскоре после этого было положено начало мягкой либерализации. В ее рамках, в частности, был снят запрет на использование курдского языка (возвращенный, однако, в 1995 г., спустя два года после смерти Т. Озала) [5, с. 74]. Помимо попыток разрешения курдского вопроса Т. Озалом была

признана компетенция Европейской комиссии по правам человека выслушивать индивидуальные жалобы, а также обязательная юрисдикция Европейского суда по правам человека [4, с. 104]. Однако существенных изменений в политической, экономической и социальной сферах эти реформы не произвели, что вызвало неодобрительную реакцию со стороны ЕЭС [3, с. 118].

В 1993 г. Европейский союз, сменивший название с ЕЭС после вступления в силу Маастрихтского договора, ввел Копенгагенские критерии для стран-кандидатов на вступление в сообщество. Согласно им, в политической сфере стран требовалось создание устойчивых демократических и правовых институтов, обеспечение уважения прав человека, что также предполагало соблюдение прав этнических меньшинств [12]. Однако в это же время действия Турции вызвали резко негативную реакцию ЕС, что снова отсрочило вопрос о присоединении страны к сообществу. Речь идет о запрещении в 1994 г. прокурдской Партии демократии, выступавшей за мирное разрешение курдского вопроса и имевшей в парламенте 13 депутатских мест [5, с. 74].

Следует также отметить, что действия турецкого руководства в отношении курдов в 1990-х гг. одобряло значительное число жителей страны. Так, 58% из них выступало против того, чтобы меньшинства, в том числе курды, получали образование на родном языке. В то же время 64% граждан Турции поддерживали скорейшее присоединение страны к Европейскому союзу, однако лишь на условиях Анкары [9].

Наконец, после проведения саммита в Хельсинки в 1999 г., когда Турция вошла в число кандидатов на членство в ЕС, ее правящие круги поверили в возможность вступления страны в союз, взявшись за реформы согласно Копенгагенским критериям [13].

В ноябре 2000 г. Еврокомиссия подготовила для Турции «Документ о партнерстве на время процесса вхождения». Это была «дорожная карта» присоединения Турции к ЕС, представляющая собой перечень необходимых преобразований. В ответ на нее уже в марте 2001 г. правительство Б. Эджевита обнародовало «Общую стратегию национальной программы» [7, с. 55]. Согласно ей, были разработаны поправки в Конституцию, а также 9 пакетов гармонизации. Один из них был действительно революционным: впервые признавалось наличие этнического меньшинства (курдов), разрешались теле- и радиопередачи, а также преподавание в частных школах на курдском языке [5, с. 75].

Дальнейший процесс внутренних реформ, целью которых было выполнение условий для вхождения Турции в Европейский союз, был продолжен после прихода к власти в Турции в 2002 г. Р. Т. Эрдогана, лидера Партии справедливости и развития [4, с. 105]. Однако, несмотря на очевидные успехи реформ и определенную либерализацию политики в отношении турецких курдов, Турция до настоящего момента не принята в состав Европейского союза.

Таким образом, несмотря на стремление Турции присоединиться к ЕЭС (ЕС с 1993 г.), которое страна выражала с момента основания этой организации, наличие проблем во внутривнутриполитической жизни постоянно тормозило этот процесс. Одной из таких проблем был неразрешенный курдский вопрос, который лишь актуализировался с 1980-х гг. После

попыток его частичного разрешения, а также ускорения европейской интеграции (с преобразованием ЕЭС в ЕС) у Турции появился шанс присоединиться к данной организации, который попыталось реализовать новое руководство во главе с Р. Т. Эрдоганом, пришедшим к власти в 2002 г.

Источники и литература:

1. Абак, Т. Курдский вопрос в политике правящей партии Справедливости и развития / Т. Абак // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 3. – С. 53–58.
2. Вертяев, К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI в.) / К.В. Вертяев ; Ин-т Ближнего Востока; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2007. – 252 с.
3. Кудряшова, Ю.С. Копенгагенские критерии ЕС и Турция // Современный исламский Восток и страны Запада / Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 2004. – С. 118–120.
4. Сочнева, И.А. Вступит ли Турция в ЕС? Социокультурные аспекты проблемы / И.А. Сочнева // Европа. – 2015. – Т. XIV, № 1–2. – С. 102–112.
5. Сочнева, И.А. Преодолеет ли Турция курдский барьер на пути в ЕС? / И.А. Сочнева // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2011. – Т. 6, № 1. – С. 72–79.
6. Набиева, А.Р. Курдская проблема в свете интеграции Турции в ЕС / А.Р. Набиева // Современная Турция: проблемы и решения. сборник статей / Ин-т Ближнего Востока; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2006. – С. 133–142.
7. Шлыков, П.В. Турция и ЕС: политика Анкары накануне миграционного кризиса / П.В. Шлыков // Современная Европа. – 2016. – № 3 (69). – С. 53–65.
8. 1982 Anayasasi [Electronic resource] // Tarım ve orman bakanlığı eğitim merkezi müdürlükleri. – Mode of access: <https://egitim.tarimorman.gov.tr/adana/Belgeler/MEVZUAT/1982Anayasasi.pdf>. – Date of access: 08.03.2021.
9. 2002-08-16 Tbbm'nin Ab Uyum Yasalarini Kabulünün Dış Basındaki Yansimaları – 3 [Electronic resource] // Türkiye Cumhuriyeti / Avrupa Birliği Başkanlığı. – 2007. – 4 Temmuz. – Mode of access: <https://www.ab.gov.tr/p.php?e=20685>. – Date of access: 07.04.2022.
10. Babali, T. Losing Turkey or strategic blindness? / T. Babali // Turkish Policy Quarterly. – İstanbul. – 2009. – 8/3. – P. 27–38.
11. ŞARK MESELESİ-2 Askeri darbeler ve Öcalan [Electronic resource] // STAR – Haberler – Son Dakika Haberleri. – Mode of access: <https://www.star.com.tr/yazar/sark-meselesi2-askeri-darbeler-ve-ocalan-yazi-1327851/>. – Date of access: 07.04.2021.
12. Treaty on European Union [Electronic resource] // Official website of the European Union. – Mode of access: https://europa.eu/european-union/sites/default/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf. – Date of access: 07.06.2021.
13. Turkey-EU relations and democracy in Turkey: problems and prospects [Electronic resource] // European Stability Initiative. – Mode of access: https://www.esiweb.org/pdf/esi_turkey_tpq_vol8_no1_omer_vardan.pdf. – Date of access: 03.06.2021.

ПОЛЬСКО-ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1980-х гг. XX в.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Л.В. Гавриловец (Мозырь)

В 1980-е годы наблюдалось замедление темпов нормализации двустороннего сотрудничества Польши и ФРГ. Первые годы этого десятилетия были отмечены спорами из-за границы, введением военного положения в Польше и репрессиями польских властей против «Солидарности». Бонн отреагировал на события в Польше заявив, что не стоит вмешиваться в дела иностранных государств.